

ПРЯМОЙ ВЗГЛЯД

Сборник философских верлибров

Закон твоей территории
и бережного возвращения

Аквила Аквила

Прямой взгляд. Закон твоей территории и бережного возвращения к себе

«Автор»
2026

Аквила А.

Прямой взгляд. Закон твоей территории и бережного возвращения к себе / А. Аквила — «Автор», 2026

«Я не убивала их — я лишь проявляла то, чем они были внутри: холодным камнем».Что, если Медуза Горгона — не монстр, а жертва, чью историю переписали победители? Что, если её смертоносный взгляд — не проклятие, а отчаянная попытка защитить свои границы?Сборник философских верлибров, представляющий собой смелую и глубокую реконструкцию древнегреческого мифа. Автор снимает с Медузы маску чудовища, чтобы рассказать историю женщины, которая осмелилась отказаться от роли жертвы. Это археология мифа: от храма Афины и солёных волн Посейдона до острова Серпидон, где рождается новое, суверенное «я».В сборнике нет привычных рифм, но есть ритм бьющегося сердца и голос, который веками заставляли молчать. Это книга о телесном исцелении.Для кого эта книга.Для тех, кто восстанавливается после травмы и учится заново выстраивать личные границы.Для ценителей современной интеллектуальной поэзии и переосмысления мифов в духе «Цирцеи» Мадлен Миллер и «Песни Ахилла».

© Аквила А., 2026
© Автор, 2026

Аквила Аквила
Прямой взгляд. Закон твоей территории и бережного возвращения к себе

А38
УДК: 821.161.1-1
ББК: 84(2Рос=Рус)6-5

Aquila. Прямой взгляд.
Закон твоей территории и бережного возвращения к себе.
Сборник философских верлибров, 2026. – 87 с.

«Я не убивала их –
я лишь проявляла то,
чем они были внутри:
холодным камнем».

«Прямой взгляд» –
сборник современной интеллектуальной поэзии, ретеллинг мифа о Медузе Горгоне как аллегория женского суверенитета и телесного исцеления.

УДК: 821.161.1-1
ББК: 84(2Рос=Рус)6-5

© Aquila, 2026
© Aquila:
верлибры, дизайн и иллюстрации, 2026

В В Е Д Е Н И Е:
О ЧЁМ МОЛЧАТ МИФЫ

Мифы написаны выжившими.

Они пахнут триумфом героев, золотом Олимпа и лавром, который щедро раздают тем, кто умеет вовремя отвести взгляд. Но мифы молчат о тишине, которая оседает пылью на чешуе, и о камнях, которые когда-то дышали. Медуза Горгона — не слепая ярость, и, пожалуй, одна из самых искажённых фигур древнегреческого пантеона. Мифы представляют её как слепую карающую силу, монстра, несущего смерть всему живому. Но что, если её взгляд — не оружие? Что, если её змеи — не знак порока, а корона вынужденного одиночества?

Я думала об этом, когда впервые перечитывала Овидия. Согласно его мнению, Медуза была красивой девушкой. Посейдон изнасиловал её в храме Афины. Богиня, узнав об осквернении, превратила её волосы в змей. Насильник не был наказан, наказана была жертва за то, что стала «нечистой». «Medusa is beautiful, and so she is raped; she is raped, and so she is punished» / «Медуза прекрасна, и поэтому её подвергают сексуальному насилию; ‹…», и поэтому её наказывают», — пишет Моралес в «Classical Receptions Journal». Эта формула —не просто античный сюжет, а архетип, который продолжает жить в современных судах, где жертву спрашивают, «в чём она была одета», и в социальных сетях, где женщин обвиняют в том, что они «спровоцировали» насилие.

Но Овидий — не единственный, кто рассказал эту же историю. Гесиод в «Теогонии» говорит о ней почти буднично: Посейдон «возлёг с ней на мягком лугу среди весенних цветов». / «With her lay the Dark-haired One in a soft meadow amid spring flowers». Никакого насилия, никакого проклятия — только союз бога и смертной. Две версии одного мифа. Два разных мира. И канонической стала та, где жертву превращают в чудовище. Почему? Потому что победители всегда нуждаются в монстре, чтобы оправдать свою победу.

Когда я ещё в студенческие годы начала читать о Медузе — не в учебниках, а в исследованиях, эссе, — я увидела, что её окаменяющий взгляд — не оружие. Это застывшая боль, оставшаяся непризнанной. Как пишут западные исследователи: «…hurt, or as we commonly say now, trauma is the ground that Medusa's encompassing rage grew in». / «Боль, или, как мы теперь обычно говорим, травма — это почва, на которой выросла всеобъемлющая ярость Медузы». Её каменный сад — это «a symbolic landscape of frozen affect, a visual metaphor for trauma and emotional paralysis». / «Символический ландшафт застывшего аффекта, визуальная метафора травмы и эмоционального паралича». Русский психоаналитик Н.А. Ларин в работе «Горгона Медуза — жертва и убийца. Психодинамическая модель» показывает, что Медуза — не просто монстр, а фигура, в которой соединяются роли жертвы и агрессора. Её взгляд, обращающий в камень, — защитный механизм, рождённый из пережитого насилия.

Искусствовед Е. Дувакин в статье «Голова Медузы Горгоны: семантика апотропея» исследует, как образ Медузы трансформировался из хтонического чудовища в защитный символ — апотропей, который помещали на щиты, здания и амулеты. Даже в древности Горгона была не только угрозой, но и защитой.

С философской точки зрения образ Медузы — это проблема взгляда. Фрейд в эссе «Голова Медузы» писал: «The sight of Medusa's head makes the spectator stiff with terror, turns him to stone. For becoming stiff means an erection». / «Вид головы Медузы заставляет зрителя оцепенеть от ужаса, превращает его в камень. Ибо оцепенение означает эрекцию». Этот пассаж — квинтэссенция патриархального прочтения: страх мужчины перед женской силой сводится к страху кастрации, а сама Медуза превращается в символ угрозы мужской целостности.

Но Элен Сиксу перевернула эту логику. В эссе «Хохот Медузы» она написала: «Wouldn't the worst be, isn't the worst, in truth, that women aren't castrated, that they have only to stop listening to the Sirens (for the Sirens were men) for history to change its meaning? You only have to look at the Medusa straight on to see her. And she's not deadly. She's beautiful and she's laughing». / «Разве не худшее — не в том ли истина, что женщины не кастрированы, что им нужно лишь перестать слушать Сирен (ибо Сирены были мужчинами), чтобы история изменила своё значение? Стоит лишь взглянуть на Медузу прямо, чтобы увидеть её. И она не смертельна. Она прекрасна и смеётся».

Медуза не исчезла. Она живёт в книгах, фильмах, комиксах. И каждый раз её образ переосмысляется — от монстра к жертве, от жертвы к иконе. Натали Хейнс в романе «Stone Blind» реконструирует её историю из множества перспектив. Джесси Бёртон в «Medusa» даёт ей голос: «If I told you that I killed a man with a look, would you listen then? Why, how, what happened next?». / «Если бы я сказала вам, что убила человека одним взглядом, вы бы стали

слушать дальше? Зачем, как, что было потом?». Рози Хьюлетт показывает её как защитницу, а не только как монстра. Аяна Грей в «I, Medusa» переосмысляет её как «провокационную и мощную молодую героиню».

В кино Медуза долго оставалась хищницей — от «Битвы титанов» до «Перси Джексона». Но в комиксах и играх её образ становится всё более многогранным. Исследователи отмечают, что «the modern pop-culture Medusa has moved away from her portrayal in Clash of the Titans. Shedding her monstrous form, she has become the subject of considerable feminist revision». / «Современная поп-культурная Медуза отошла от своего изображения в "Битве титанов". Сбросив монструозную форму, она стала объектом значительного феминистского пересмотра». А скульптор Лучано Гарбати установил напротив здания уголовного суда в Нью-Йорке «Медузу с головой Персея» — инверсию классического сюжета. Медуза держит отрубленную голову победителя. «What triumph can there be if you defeat the victim?» / «Каков может быть триумф, если вы побеждаете жертву?», — спрашивает Гарбати. Скульптура была признана символом движения #MeToo.

Этот сборник — не пересказ. Это археология. Я раскапывала слой за слоем: мрамор храма, соль морской волны, холод камня. Я искала не чудовище, а женщину — ту, чей голос был заглушён тысячелетиями триумфальных песнопений героев. И я сомневалась. Сомнение — единственный честный способ приблизиться к истине. Я сомневалась в том, что миф рассказал мне правду. Сомневалась в том, что «монстр» — это приговор. Как писал теоретик визуальной культуры В. Дж. Т. Митчелл: «...если образы не просто представляют мир, но создают и формируют его... то потому, что вместо того, чтобы представить мир человеку, они представляют его, ставят себя на место мира — до такой степени, что человек живёт как функция от произведённых им образов».

Миф о Медузе — образ, который создавал мир. Но мы можем пересоздать его. Мы можем посмотреть на Медузу прямо — и увидеть не монстра, а женщину.

Cixous, H. The Laugh of the Medusa. Signs, vol. 1, 1976, pp. 875-893.
Burton, J. Medusa. Bloomsbury, 2023.
Classical Reception and Popular Culture, ed. M. Jones.
Oxford University Press, 2020.
Garibati, L. Interview. The New York Times, 2020.
Public Art Review, vol. 32, no. 2, 2021.
Mitchell, W. J. T. Iconology: Image, Text, Ideology.
University of Chicago Press, 1986.

© *Aquila, 2026*

Я не просила этой короны
из шипящих, холодных узлов.
Мир считает меня чудовищем,
потому что боится увидеть
себя со стороны.

Мой взгляд не убивает —
он лишь делает вечным то,
что уже было мёртвым внутри.

Вы приходите со своими
зеркальными щитами,

пряча глаза, но правда в том,
что камень — самая честная форма
вашей памяти.

Я просто смотрю.
А вы застываете

в собственной сути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.